

ЛЕГЕНДАРНЫЙ А.М. ЗИМИЧЕВ**(эссе к 70-летию маэстро)***

Часть первая. Невероятная биография вице-президента Академии акмеологических наук, вице-президента Санкт-Петербургского психологического общества, отца (как уверяют знатоки) политической психологии в России, создателя первого в стране кабинета профессиональной ориентации, а также зачинателя первого в стране научного психологического кооператива (по разработке гибких автоматизированных обучающих систем), основателя Санкт-Петербургской акмеологической академии – единственного учебного заведения в стране, расположенного на воде (у Тучкова моста), доктора психологических наук, действительного члена Международной кадровой академии, члена-корреспондента Российской Академии естественных наук, и пр., и пр., профессора А.М. Зимичева

Биография Зимичева не просто невероятна, она выглядит невозможной. Мы не простили бы себе, если бы кратко ее не пересказали.

В Москве 17 апреля 1938 г. у профессионального разведчика Михаила Зимичева (псевдоним – Зимин) родился сын Анатолий. В сентябре Зимин назначается консулом в Маньчжурии (где он, в том числе, контактирует с Р. Зорге) и вывозит туда семью – маленький Толя с тех пор высоко ценит китайскую культуру. В июне 1941 г. Зимичевы возвращаются в Москву. Но – война. Отец отправляет семью в Омск, а сам уходит на фронт, где 2 октября гибнет под Орлом. Вместе с похоронкой пришло извещение о посмертном награждении его орденом Ленина. В 1946 г. его перезахоронили на аллее героев в Москве на Новодевичьем. Восьмилетний Толя часто приходил туда с мамой. Однажды он с трудом тащил к могиле тяжелое ведро воды. Ему помог мужчина в длинной военной шинели. Мама поблагодари-

ла: «Большое спасибо, Иосиф Виссарионович!». Это был Сталин, шедший к находившейся рядом могиле Алилуевой. В 1948 г. Толю отправили в лучший пионерский лагерь страны – «Артек». А в 1949 г. Анатолий Зимичев стал кадетом Воронежского суворовского училища. В училище увлекся лошадьми, играл на баяне, танцевал, научился водить машину, доказывал преподавателю зоологии, что рыбы слышат (и даже послал запрос об этом в Академию наук). После отбоя проникал через форточку в спортзал и играл там на пианино – от чардаша до Шопена.

Но наступил 1954 год. Арестовали маму и отправили в психушку (новый стиль борьбы с политическими оппонентами – соседями мамы по элитному дому). Вслед за этим Анатолия за участие в драке (суворовцы всегда защищали честь мундира и друг друга) неожиданно отчисляют из училища. Он приезжает в Москву. По окончании девятого класса работает на заводе прессовщиком. Часто ездит в «Столбовую» к матери, чувствует, что она хочет вырваться на волю, даже готова бежать. Но не знает, как вывезти ее оттуда. Делает попытку угнать машину. Его арестовывают и осуждают на четыре года. Как только ему исполняется 18, отправляют в Вятские лагеря. На пересылке встречается со Львом Гумилевым. (В память впечатывается потрясение от его рассказов, например, о том, что в войске Дмитрия Донского татар было вчетверо больше, чем у Мамай.) В лагере сошелся с вором-законником Мухой. Однажды Муху и четырех пацанов, включая Анатолия, отправили «в командировку» в другой лагерь.

* Портрет юбиляра А.М. Зимичева опубликован на первой странице обложки (ред.).

Там на Муху напали человек 50 местных зеков. Муха приказал пацанам: «Уйдите от меня», — но ребята остались. Их всех зарезали и бросили в карцер. Ночью Анатолий очнулся от холода среди трупов с раной в спине и с пробитой головой. Начал стучать и кричать. Пришел вертухай и выпустил его оттуда.

В зоне комиссовали малолеток. Анатолия освободили и сняли судимость. Он поступает в медучилище. Работая в прозекторской, создает способ устойчивого сохранения препарированных органов и пишет об этом первую в жизни научную статью. Проявляет интерес и к хирургии. Вот рассказ А.М. Зимичева: «Однажды увидел в журнале “Китай” статью о лечении переломов. Китайские врачи вставляли между частями сломанной кости ивовую веточку такой же толщины, что и кость, и кость восстанавливалась. Я написал в этот журнал письмо и получил ответ: несколько слов по-русски, остальное — иероглифы. Буквально в тот же день показал эти иероглифы в троллейбусе первому встречному китайцу. Через пару дней получил перевод. ... Вскоре вместе с санитарями я решил на операцию собаке с давно перебитой ногой». Операция прошла успешно, но отчет об этом написать не удалось: снимок ноги сразу никто не сделал, а вылеченная собака, как только ей сняли шину, тут же убежала в город. Став в 1960 г. фельдшером, был распределен в кожно-венерический диспансер. Там он по вечерам среди пальм играет для души на рояле. Заслушавшись на улице его игрой, к нему подошла будущая жена.

Однако главный интерес — психиатрия. Он хочет пробраться в Институт им. Сербского, где был поставлен диагноз — ярлык несчастной маме, и показать психиатрам, чего стоят их диагнозы. Но на свидательствование в этот институт можно попасть единственным путем — через суд. В августе 1960 г. перешел на работу в 8-ю

городскую психиатрическую больницу, наблюдал, много читал. Наконец, решил, что готов. Угнал такси и, чтобы ускорить развязку, врзался в ближайший столб. После суда был отправлен в Бутырку, где стал «косить» под шизофреника. В Бутырке были свои весьма жесткие способы выявления симулянтов. Анатолий их выдержал и был направлен в долгожданный институт. Там Зимичев уже на своем опыте убедился, что никаких объективных критериев для «шизодиагностики» нет, что все это — не тестирование, а попытка именем Гиппократ. Нашего героя направили на полгода в «Столбовую» — в ту же самую лечебницу, где страдала его мать. Выйдя из клиники, женился и уехал в Питер. Вместе с молодой женой поступил на заочное психологическое отделение философского факультета. По возможности, активно пользовался разрешением Б.Г. Ананьева посещать занятия на дневном и вечернем.

Теперь надо было снять диагноз. Анатолий помог соседу вывезти детали краденной машины, и снова был арестован. Сразу же заявил, что симулировал болезнь в Институте им. Сербского. Его отправили вначале в «Кресты», а потом на экспертизу в известную ленинградскую психиатрическую лечебницу на Пряжке. Целый месяц он демонстрировал консилиуму, как именно он симулировал, показывал, например, что умеет сужать и расширять зрачки. Врачи решили диагноз снять. Но представители Института им. Сербского сопротивлялись: мы никогда не ошибаемся. В конце концов и они признали: сейчас он здоров, но раньше были симптомы... Но коль он оказался здоровым, сразу получил новый срок за предыдущие прегрешения. Работал фельдшером в туберкулезной зоне одного из крупнейших лагерей в Карелии. (Лечили с применением наркотиков. Был поражен, как воры-законники с первого взгляда точно определяли, кто из новеньких станет в лагере наркоманом, а кто — нет. И позднее будет

доказывать, что есть люди, физиологически предрасположенные к потреблению наркотиков.) За работу фельдшером освободили досрочно. Вышел, устроился на работу стюардом на ТУ-104. Восстановился в университете. Научный руководитель посоветовал, что работа стюарда не подходит для темы дипломной работы. Стал таксистом. А в 1968 г. защитил дипломную работу «О некоторых особенностях восприятия человеческого лица водителями такси».

После этого начался новый этап его жизни: статьи, книги, защиты, должности, звания. Он стал блестящим психологом и подлинно великим учителем. Все время работал с молодыми. Чтение лекций в пионерских лагерях, а потом создание экспериментально-психологической лаборатории при Дворце пионеров. (С 1970 г. каждый год участники тех встреч и новые поколения детей встречаются 13 сентября в 13 часов 13 минут у Медного всадника.) Чтение лекций в стройотрядах и первые публикации в СМИ по психологии управления. Замечательные психологи, педагоги, политики, экономисты, журналисты и люди многих других профессий считают себя его учениками. А ведь еще работа в системе профтехобразования, создание группы разработки автоматизированных систем обучения, демонстрация работающей системы в Москве, Будапеште, Париже, получение медали Я. Коменского в Праге. И еще участие в разрешении этнических конфликтов в Болгарии между болгарами и турками (приглашали и в Югославию, но два инфаркта подряд не позволили – а, может, и не было бы тогда там такой чудовищной войны), разработка проекта Храма Согласия на Псковщине, публикация в «Вестнике политической психологии» проекта Декларации прав гражданина России – всего не перечислить.

Вот эпизод, характеризующий стиль и подход А.М. Зимичева как педагога.

Однажды к нему обратилась дворничиха дома, где он жил: помогите, моего сына отдают в школу для умственно отсталых, а он очень хороший мальчик. Зимичев поговорил с сыном. У того была совершенно дебильная внешность, да и умственное развитие было невысоким. Но видно, что он очень старателен. Что делать? Психиатр, однажды поставивший диагноз, говорит Зимичев, никогда его просто так не изменит. (И, как мы теперь знаем, его жизнь давала основания для такого вывода.) Анатолий Михайлович начал заниматься с мальчиком. Но чему стоит учить такого ребенка? Лучше всего, решил он, шахматам и математике, где более всего требуется действия по правилам. Для таких ребят это проще всего. А потом пошел к психиатру. Психиатр в ответ: и не просите, парень – очевидный дебил. Пойдите, отвечает Зимичев, вот документы. Ведь он кандидат в мастера спорта по шахматам и победитель олимпиады по математике. Ошеломленный психиатр сдался.

Часть вторая. Невероятные психологические и педагогические идеи

Почти все, что говорит и пишет А.М. Зимичев, предельно оригинально. Его замыслы удивительны, его разработки поражают. Он умудряется вытащить из, казалось бы, давно забытого совершенно свежие идеи. Он, наверное, единственный крупный психолог в стране, который выступает за раздельное обучение мальчиков и девочек. И опирается на давнюю декларацию Ивана Бецкого, доказывающую необходимость этого. В основание своей концепции «класса без учителя» кладет идеи Я.А. Коменского. И организует за 32 часа эффективное обучение слепому методу машинописи или печатания на клавиатуре компьютера (вместо 156 часов в профтехучилище). А потом и обучение языкам программирования, вождению танка и т.д. Резко выступает против привычных методов обучения иностранным

языкам. «За всю историю преподавания языка, — утверждает А.М. Зимичев, — не было такой методики, по которой не научился бы ни один человек. Высокая степень адаптации человека позволяет ему научиться всему при наличии мотивации и направленности по *любой* методике. Именно педагогике и здравому смыслу мы обязаны тем, что до их пор нет *результативной* системы обучения речи на иностранном языке». Он уверен: «научить вести беседу “ни о чем”, несомненно, более важная и продуктивная задача, чем беседа “на тему”, в силу явной искусственности и практической неприменимости последней. Структура беседы не зависит от ее информационного содержания». Лексический состав русского языка, замечает Зимичев, содержит значительную часть иностранной лексики: около 4 тыс. слов из французского языка, 3,5 тыс. — немецкого и 2,5 тыс. слов английского языка (из них 160 слов входит в Basic English). Почему это никак не используется? И в итоге строит свою систему ускоренного обучения языкам.

Для А.М. Зимичева ГАОС — гибкая автоматизированная обучающая система — любимое детище. Для него это именно та технология, которая дает возможность создать обучаемому оптимальную педагогическую среду. Она должна избавить учащихся от последствий проблем, которые периодически возникают в жизни учителя-предметника, — плохое самочувствие, семейные неурядицы, домашние хлопоты, рутинность классно-урочной системы, профессиональное выгорание и т.д. Только в такой среде, утверждает Зимичев, можно решить вопрос о физиологическом обосновании продолжительности учебных занятий. Но ГАОС еще и та педагогическая технология, которая дает возможность обучаемому быть личностью. Потому что в учебной деятельности предметом изменения является сам субъект — происходит становление и развитие

различных сторон самосознания, самооценки, опыта успешных действий. В реализации этой цели в ГАОС задействован целый комплекс технических и психологических средств, вплоть до тактильных ощущений себя, что позволяет через технические устройства усилить отражаемое в сознании и превратить неоощуемое в реальное переживание.

Прогресс человечества, уверяет А.М. Зимичев, характеризуется возрастанием автоматизмов. Обучение стоит строить по пути от осознанного к неосознанному. Зимичев доказывает наличие качественных преимуществ в адекватности и продуктивности мышления носителей идеографических языков в сравнении с носителями логографических языков. И расшифровывает на лекциях древнекитайскую мудрость: «Великий учитель не учит предмету. Великий учитель не учит ученика. Великий учитель учит Поднебесную, то есть создает такую среду, такие условия, в которых его ученикам становится интересно». Он создает методику проектирования трудового коллектива как социально-педагогической системы. Строит таксономию целей жизнедеятельности человека и конструирует оригинальные психотехнологии развития личности. Он формулирует психологические основы делегирования прав и ответственности подчиненным, психологические основы политической борьбы. Им разработана концепция гражданина как предмета воспитания и обучения, описаны психологические законы, определяющие жизненный цикл существования этноса, его жизнеспособность, сплоченность, взаимодействие с другими этносами.

В предисловии к юбилейному изданию «Избранных произведений» А.М. Зимичева справедливо написано: «Мастер невозможного, расширивший своими исследованиями и самой своей жизнью традиционные представления о пределах

человеческого развития до новых широт. Человек с невероятной эрудицией, который в век тонкой специализации и дифференциации научного знания поставил перед собой задачу — собрать воедино все знание о мире. Его энциклопедические знания в психологии, медицине, физиологии, физике, химии, технике, экономике, юриспруденции, истории, лингвистике, философии, математике поражают и студентов, и аспирантов, и маститых ученых. Но знания, как, впрочем, уверяет сам А.М. Зимичев, вторичны. Первичным и главным является понимание».

А.М. Зимичев входит в редакционный совет журнала «Методология и история психологии». В статьях, посвященных методологии психологической науки, он в том числе формулирует ряд фундаментальных принципов научного мышления: *принцип разрешимости* — некоторое понятие может быть введено лишь тогда, когда с его помощью возникает возможность разрешить какое-либо противоречие и можно показать прецедент такого разрешения; *принцип объективизации* — суждение может быть объективировано путем сравнения, например, сравнения двух предметов, доступных объективной проверке (Зимичев добавляет: «Попытка до-

стичь соглашения об *одиночном* чувственном впечатлении абсурдна»); и др. Поясняя, зачем нужно обсуждать принципы научного мышления, Зимичев иронически пишет: «Индивидуальное чувственное впечатление некоммуникабельно, а, следовательно, чисто субъективно. Кто не испытал этого на себе в дискуссиях, наверняка будет считать рассуждения о принципах применимости, объективизации, коммуникативности и контролируемости в науке голой софистикой. В определенном смысле это справедливо. Ибо наивный реализм является очевидной позицией, соответствующей, с биологической точки зрения, естественному месту человека в природе. И если ограничиться обычными представлениями повседневной жизни, то проблема научности выглядит надуманной».

В эссе, написанном к юбилею, нет возможности рассмотреть всю стройную систему взглядов Маэстро. Мы хотели лишь передать свое восхищение блестящим ученым и свой восторг от общения с этим добрым, обаятельным и мудрым человеком¹.

В.М. Аллахвердов,
А.И. Ватулин

¹ В эссе использованы материалы из книги М.В. Белоусова «А.З. есмь. Жизнь как размышление» (СПб., 2008).